

ИВАН ПЕРЕСВЕТОВ КАК ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ XVI ВЕКА*

Д. В. Фролов

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва

Поступила в редакцию 1 апреля 2013 г.

Аннотация: *статья посвящена анализу языковой личности одного из известнейших публицистов XVI века – Ивана Пересветова.*

Ключевые слова: *языковая личность, публицист, эпоха, вербально-семантический уровень, лингво-когнитивный уровень, прагматический уровень.*

Abstract: *the article is devoted to the analysis of language personality by Ivan Peresvetov – one of the most famous publicist of the 16th century.*

Key words: *language personality, publicist, epoch, verbal-semantic level, linguistic-cognitive level, pragmatic level.*

«Несмотря на общую антропоцентрическую направленность современной гуманитарной науки, на повышенный интерес лингвистов к исследованию языковой личности» [1], очень мало работ, касающихся изучения языковой личности писателей Древней Руси, первых авторов, стоявших у истоков отечественной публицистики. Если языковые личности допетровских славянских грамматистов (см. [2, 3]), Ивана Грозного и его оппонента князя Курбского, были проанализированы [4], то множество видных писателей и публицистов XVI столетия, столь богатого на различных авторов, осталось в тени. Не раз было написано о научной и человеческой несправедливости, связанной с забвением многих имен, в трудах которых происходило становление русского национального языка и находило место отражение культурных стремлений эпохи, что очень важно для современного понимания событий более чем четырехвековой давности.

Данная статья ставит своей целью проанализировать языковую личность Ивана Семеновича Пересветова – носителя русского языка XVI в., создателя нового жанра публицистической челобитной. Все сказанное выше свидетельствует о новизне, актуальности и значимости предпринятого исследования.

В процессе анализа будем опираться на различные списки и редакции сочинений данного автора: «Большая челобитная» (по Шукинскому списку неполной редакции, по музейному списку полной редакции), «Малая челобитная»; «Сказание о книгах», «Сказание

о Магмет-салтане» и «Сказание о царе Константине» по списку Оболенского и проч.

Под языковой личностью понимается совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов) [5].

Один из основоположников теории языковой личности – Ю. Н. Караулов – предлагает два основных пути исследования данного аспекта. Один из них основывается на принципе полноты описания языковой личности, другой – системности [5].

При анализе языковой личности Пересветова предпочтительнее остановиться на втором, так как в данном случае «объектом изучения становится какой-то фрагмент словаря или грамматического строя» и полнота числится «по ведомству неосуществленной потенциальности» [5].

Биографических данных о Пересветове не так много: то, что он сообщает сам в своих трудах, а также загадочное упоминание о нем в царских архивах. Пересветов был «выеждей из Литвы», то есть из русских земель, входящих в состав Великого княжества Литовского. Сам публицист возводит свою фамилию к легендарному Александру Пересвету, сражавшемуся на Куликовском поле. Пересветов принадлежал к числу тех дворян польского короля, которые образовывали его своеобразную наемную гвардию. Воюя «на шесть» и «на семь коней», он принимал участие в 1528–1534 гг. в длительной войне за венгерское наследство, которую вели чешский король Фердинанд I Габсбург с трансильванским воеводой Яном Заполья. В это время исследуемый автор успел хорошо познакомиться с порядками Османской империи, что отражено в его сочинениях. На рубеже 1538–1539 гг. будущий писатель приехал в Москву, где отправился к правительству малолетнего Ивана Грозного с предложением организовать мастерскую

* Подготовлено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации. В рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., мероприятие 1.2.2 (соглашение по гранту 14.B37.21.0540).

© Фролов Д. В., 2013

по изготовлению особых щитов «македонского образца» (двухметровые щиты, обтянутые кожей, с железными шипами в нижней части), для обороны и ведения войны в «Диком поле». Правительство решило организовать такую мастерскую. Пересветов был определен под начало опытного воеводы М. Ю. Захарьина, который, однако, осенью того же 1539 г. скончался. Работа в мастерской замерла, и начались десятилетние мытарства самого Пересветова.

В годы боярского управления при малолетнем Иване Грозном он постоянно исполняет «всякие службы государевы», бесконечно перемещаясь по стране. Пересветов начинает разоряться – запустевает пожалованное ему поместье, мало-помалу расточается все привезенное с собой имущество, многое из которого ушло на тяжбы с сильными мира сего («в моих обидах да волокитах пропало» [6]). Так накапливалась ненависть к губительной политике боярства, постепенно разорявшего страну во время малолетства Ивана Грозного.

После венчания на царство Ивана Грозного в 1547 г. у Пересветова рождаются надежды на перемены во внутренней жизни страны. Всеми силами он пытается добиться приема у царя. И вот в праздник Рождества Пресвятой Богородицы 8 сентября 1549 г. ему наконец-то удается подать Ивану Грозному «две книжки», в которых наряду с малой челобитной, изображавшей бедственное состояние автора, излагается проект государственных преобразований.

Дальнейшая судьба Пересветова исследователям неизвестна. Публицист, безусловно, в своих сочинениях высказывался неосторожно относительно православной догматики, и, по предположению А. А. Зиминой, «во время многочисленных процессов 1553–55 гг. на «еретики» вольнодумец Пересветов мог разделить печальную судьбу других русских мыслителей» [7].

Экстралингвистическая информация об авторе дает возможность с опорой на нулевой уровень установить иерархию смыслов, ценностей в его картине мира (лингво-когнитивный уровень), выявить мотивы и цели (прагматический уровень).

При изучении трудов Пересветова на лингво-когнитивном уровне значимыми представляются узнаваемые апелляции к другим средневековым произведениям, прежде всего к произведениям Нестора-Искандера, что позволяет рассмотреть состав вербально-семантического уровня языковой личности.

Ядро вербально-семантического уровня языковой личности Пересветова, как яркого представителя военного сословия и дворянской публицистики своего времени, в первую очередь представлено значительным количеством терминологической лексики, относящейся к военному делу: *брань, бой, воевода, воинство, воинник, вооружение, zelный дух, zelь*

(porox), междуособная брань, недруг, приступ, пушки, пищали, пушечный рык, пищальный стук, полк, пищальник, стены градские, стрельба, стрельяние, стенобитие, стрельяние огненное, стратиг, сеча, сечение, ров, туры, юнак, ядра.

Лингво-когнитивный уровень ярко отражается в планах военных и государственных преобразований, составленных для юного царя. Пересветов широко использовал свои наблюдения над состоянием вооруженных сил Европы и Османской империи, в частности при организации отрядов пищальников (будущих стрельцов). Его предложения, отвечающие новейшим требованиям эпохи, намного опередили свое время. Реформы русской армии середины XVI в. не изменили ни местничества среди воевод, ни поместный характер кавалерии, не привели к широкому распространению регулярного войска. Все это будет осуществлено только на рубеже XVII–XVIII вв.

Пересветов, как представитель дворянства, выступает сторонником регулярного войска, обеспеченного из казны постоянным денежным жалованием: «...годится со всего царства своего доходы себе в казну имати, а ис казны свояе воинникам сердце веселити... жалованием государевым годовым». Он является противником местничества, широко распространенного в русской армии: «у царя кто против недруга крепко стоит, смертною игрою играет и полки у недругов разрывает и царю верно служит, хотя от меньшего колена, и он его на величество подымает, и имя ему велико дает, и жалования много ему прибавляет... А ведома нету, какого они отца дети...» Тех же, кто сражается трусливо и «с опятькою» следует «казнить смертью».

Во главе вооруженных сил, по мнению Пересветова, должен находиться сам царь либо его мудрый воевода («паша»), т.е. автор предлагает усилить централизацию в русских войсках. Он говорит о том, что «богатые николи о воинстве не думают, думают о смирении, кротости и упокое». Особенное место должны занять стрельцы – «20 тысяч юнаков храбрых со огненною стрельбою гораздо ученою». По мнению автора, вооружение огненным боем должно сыграть решающую роль при войнах с Казанью и Крымом, что и произойдет в дальнейшем.

При управлении государством необходима «царская гроза», строгий безмездный суд и строжайшие наказания неправедным вельможам и судьям. Ведь в период малолетства Ивана Грозного бояре «царством обладали и измытарили, и бедами сцепили, неправыми суды и особую брань в царстве учинили»; если посылают таких вельмож собирать деньги в казну, то они «на царя возьмут 10 рублей, а на себя 100 рублей». Пересветов переживал такую ситуацию более десятка лет, когда он судился без особой пользы и постепенно растерял все свое достояние. Как пример

приводится во многом идеализированное и весьма исторически условное царство «турское». В уста поработанных греков публицист вкладывает следующие слова: «А есть ли бы к той правде турской да вера христианская, ино бы с ними ангелы беседовали». В данном случае, мы можем наблюдать лингво-когнитивный уровень языковой личности Пересветова, на котором отражена несомненная ценность христианского вероучения.

Значительный пласт слов, прежде всего в «Повести об основании и взятии Царьграда», представлен религиозной лексикой. Интересен ее состав. Можно выделить обращения: *Богородице, Бог, Бог мой, Боже всесилне, Господь, Заступниче наш Господи, Иисусе, Мариа, Христе*, в том числе и многословные конструкции *предстателница верных и помощница, пренепорочная владычица Богородица мати Христа Бога нашего, избавитель всего мира, утешитель души человеческих*; имена собственные: *Андрей, Анастасий, Гавриил, Гул, Даниил, Диоклетиан, Долмат, Евдокия, Елена, Иоанн, Иракий, Ирина, Иуда, Константин, Ликиний, Марфа, Матфей, Михаил, Моисий, Мокий, Павел, Петр, Улиан, Федор*; обозначения «атрибутов» веры: *ангел, икона, евангелие, заповедь, крест, алтарь, попечение, псалом, церковь*; наименования церковных служителей: *диакон, епископ, клир, пастырь, патриарх, священник*; слова с общерелигиозной семантикой: *ангел, ангельский лик, благодарение, душа, заповедь, святость, святыня, христианин* и др.

В то же время на лингво-когнитивном уровне в одном из центральных пунктов его политического учения видна близость взглядов Пересветова еретикам XVI в.: «Бог не веру любит – правду»; «Коли правды нет, то и всего нет»; «В котором государстве правда, в том и Бог пребывает... Правды сильнее в Божественном Его писании нет»; «Правда – вера красота», – утверждает автор устами Петра, волоцкого воеводы. Совершенно еретическое противопоставление веры и «правды», возможно, было направлено против сторонников идеологии Иосифа Волоцкого – противника нестяжательства во главе с Нилом Сорским. Можно увидеть в подобных высказываниях близость к иным течениям данного времени или же можно трактовать эти высказывания как факт совпадения мыслей исследуемого публициста с известными еретиками.

Так, Пересветов, не выступая против феодальной зависимости крестьян и подразумевая ее как самоочевидную, выступает против кабального холопства. Его идеализированный Магмет-салтан «во своем царстве дал волно служить у велмож своих, кому ни буди. А не велел их прикабаливати, ни прихолопивати, а служить им добровольно... Да велел перед себя книги принести полныя, да велел их огнем пожещи».

Используя известный средневековый апокриф о том, что «диавол» взял с Адама рукописание, а Бог «Адама извел изо ада и запись изодрал», Пересветов заключает, что «которые записывают в работу вовеки, прелщают и диаволу угождают». Автор замечает, что «в котором царстве люди поработаны, и в том царстве люди не храбры и к бою не смелы против недруга». В данных размышлениях нельзя не увидеть близости взглядов Пересветова к его известному современнику, гуманисту и еретичу, дворянину Матвею Башкину, писавшему: «у нас на иных и кабалы, на иных бегляя... а я, де, благодарю Бога моего, у меня де, что было кабал полных, то, де, есми все изодрал, да держу, де, государь, своих добровольно» [8].

В ядро вербально-семантического уровня языковой личности Пересветова, как и любого публициста, входит оценочная лексика. Подобных слов, дающих положительную и отрицательную оценку, относящихся к разным частям речи, достаточно много. Перечислим лишь некоторые из них.

Положительная оценка: *благодать, благоверный, благороднейший, великий, добродетель, добр, достоин, законный, изрядный, истинно, красен, кроткий, крепко, лучший, любезен, многообразне, мудрость, оплот, право, премудрый, храбрый* и др.

Отрицательная оценка: *безбожный, безместно, беда, всуе, гибель, горший, жесток, злодей, зверообразно, измена, клеветник, лихой, лихоимство, лстец, лукаво, окаянный, пьянство, прелесть, проклятый* и др.

Выделяется группа слов, обозначающих эмоциональные проявления: *гордыня, горе, горше, дерзость, дивлюся, доволен, желаю, зависть, люблю, печаль, сверепею, скорбь, смеюся, страсть, стыжуся*. Можно предположить, что подобная лексика характеризует языковую личность Пересветова как неравнодушную к окружающей действительности, анализирующую и оценивающую ее.

На периферии языковой личности находится нейтральная лексика, состав которой также очень разнообразен: названия птиц и животных (*аспидь, аргамак, елень, конь, орель, сокол*); числительные (*два, двести, девяносто, девятсот, одиннадцать, осмь, триста, четыреста*); обозначение времени (*время, вечный, день, заутре, рано, утро*); природных явлений (*дождь, земля, зной, солнце*), материалов (*древяный, железный, каменный, серебряный*). Подобная лексика не столь обширна, но она и не представляет для нашего исследования большого интереса, так как мало раскрывает особенности конкретной языковой личности.

Итак, ядро вербально-семантического уровня в структуре языковой личности Пересветова, как автора ряда произведений, представлено терминологической военной, религиозной, оценочной лексикой.

В качестве основных ценностей лингво-когнитивного уровня выступают правда, служение отечеству, личная храбрость, патриотизм, честность, крепкое государство. На прагматическом уровне реализуются следующие цели: 1) передать знания, опыт и наставления по управлению государством и армией юному царю; 2) рассказать о своей службе и своем бедственном положении (в малой челобитной).

Таким образом, в речи Ивана Семеновича Пересветова, как представителя русского служилого дворянства XVI в., мы обнаружили, прежде всего, призыв к борьбе с извечными российскими бедами – самоуправством органов власти на местах, бюрократией, казнокрадством. Горячий патриотизм автора, личная храбрость и богатый военный опыт дают публицисту возможность, используя опыт европейского и турецкого военного дела, предложить молодому царю комплекс реформ русской армии и государственного управления в целом. Герои его произведений во многом условны – они только носят исторические и иноземные одежды, на деле же они современны автору. Гуманизм и редкая широта взглядов, знание традиций древнерусской литературы и в то же время некоторые еретические мысли Пересветова дают возможность говорить о постепенном наступлении новой эпохи в сознании определенной части дворянства России того времени. Самым ценным, безусловно, является то, что он создает новый жанр в русской литературе своего времени – публицистическую челобитную, что стало своеобразным шагом в развитии публицистического стиля в России в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арискина О. Л. Языковая и коммуникативная личность : различные подходы к исследованию /

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва

Фролов Д. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики, риторики и культуры речи филологического факультета

E-mail: frolovdv@list.ru

Тел.: 8(902)668-47-43

О. Л. Арискина, Е. А. Дрянгина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер.: Филология. Искусствоведение. – 2011. – Вып. 58, № 25 (240). – С. 15–19.

2. Арискина О. Л. Языковая личность первых славянских грамматистов (на материале грамматик Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого) / О. Л. Арискина, Е. А. Дрянгина // Политематический сетевой электрон. науч. журн. Кубан. гос. аграрного ун-та (Науч. журн. КубГАУ). – Краснодар : КубГАУ, 2011. – № 7 (71). – С. 450–464. – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2011/07/pdf/35.pdf>

3. Арискина О. Л. К исследованию языковой личности лингвистов прошлого : В. Е. Адодуров / О. Л. Арискина, Е. А. Дрянгина // Русское национальное сознание в его языковом воплощении : прошлое, настоящее, будущее. XXX Распоповские чтения : материалы Междунар. конф. (Воронеж, 2–4 марта 2012 г.) / под ред. Л. М. Кольцовой ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж : Изд.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2012. – С. 22–27.

4. Шилина С. А. Языковая личность Ивана IV : на материале документов XVI–XVII веков : дис. ... канд. филол. наук / С. А. Шилина. – Брянск, 2003. – 232 с.

5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 263 с.

6. Пересветов И. С. Различные сочинения / И. С. Пересветов // Сочинения И. Пересветова. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – С. 123–277.

7. Зимин А. А. И. С. Пересветов и его сочинения / А. А. Зимин // Сочинения И. Пересветова. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – С. 3–27.

8. Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. Влияние протестантизма : ереси Матвея Башкина и Феодосия Косого / М. К. Любавский. – 2000. – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/istoria-rossii/215.htm>

*Mordovia State University named after N. P. Ogaryov
Frolov D. V., Candidate of Philology, Associate
Professor of the Stylistics, Rhetoric and Culture of Speech
Department*

E-mail: frolovdv@list.ru

Tel.: 8(902)668-47-43